

КАТОРГА
И ССЫЛКА

XX 298
ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮ-
ЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

6 = N 55

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1929

СОДЕРЖАНИЕ

Отдел I. Из истории революционного движения.

	Стр.
С. Мстиславский. Из истории военного движения. «Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906—1908 г.г.	7
Б. Н-ский. Из литературного наследия В. И. Засулич	32
С. Лившиц. Подпольные типографии 60-х, 70-х и 80-х гг. (Окончание)	44
В. Левицкий. Провокатор Абросимов	60
С. Архангельский. Крестьянские волнения в Семеновском уезде в 1825 г.	75
С. Гессен. Лунин и Пушкин	86

Мелочи прошлого

1) Письмо Д. Соловьева к С. Лешерн фон-Герцфельд. Сообщил Я. Д. Б.	95
2) О Льве Мирском. Сообщил Г. М. Кофф	96

Отдел II. Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция.

В. И. Сухомлин. Из тюремных скитаний	99
П. П. Брюханов. Воспоминания о ссылке в Вятскую губернию в 1897—1900 г.г.	113
Н. Надельштейн. Бутырские очерки	132
Ф. Виноградов. Из жизни П. Ф. Якубовича в Кургане	143

Отдел III. Лики отошедших.

О. Трубникова-Буланова. Л. П. Буланов (Окончание)	152
П. Васильев. В. П. Успенский	168
Л. С. И. Д. Дмитриев	178
Памяти Г. Н. Котова	181

Отдел IV. Библиография.

И. Ф. Рыбаков. М. Яворский. Нарісі з історії революційної боротьби на Україні, т. II, ч. I; И. М. Картавцов. Восстание декабристов. Библиография; Ю. Бочаров. И. К. Михайлов. Четверть века подпольщика; Ю. Г. Оксман. П. В. Ан-	
--	--

ненков. Литературные воспоминания; М. Клеветский. С. Я. Елпатьевский. Воспоминания. За 50 лет; Сергей Гессен. Библиографические заметки о декабристах в Большой Советской Энциклопедии; О. Меер. Список книг. 185

Отдел V. Хроника.

Из жизни Общества.

Памяти Желябова	201
В секции по изучению революции 1905 г.	202
Касса Взаимопомощи за 1928 г.	204
Письмо в редакцию Н. Шаханова	207

К этому номеру приложены: I. Таблица портретов: Засулич, В. И.; Лешерн-фон-Герцфельд, С. А.; Успенский, В. П.; Дмитриев, И. Д. (стр. 32—33). II. Р. М а н д е л ь ш т а м. «Революционное движение в России XVII—XIX в.в. Указатель литературы, вышедшей в 1927—1928 г.г.». Ред. Б. П. Козьмина (стр. 21—36).

**Отд.
I.**

Из истории революционного движения.

С. Мстиславский.

Из истории военного движения.

(По личным воспоминаниям).

«Офицерский» и «Боевой» Союзы 1906—1908 г.г.

Октябрьские «дни свободы» 1905 г. оказались для военного движения переломными. Под влиянием всеобщего в этот период нарушения конспирации, открытого митингования, открытых союзов и комитетов,—отрешился, в известной мере, от прежней обособленности своей и Всероссийский Союз военнослужащих¹. Представители его стали (правда, с некоторой оглядкой, заматывая погоны платком, чтобы не было видно № полка) выступать на общественных собраниях, а левое крыло Союза установило связь с Советом Рабочих Депутатов. Но связь эта не перевела Союз на новые пути, уже по одному тому, что та двойственность движения интеллигентского и рабоче-крестьянского, которая отметилась еще во время гапоновщины и затем красной нитью шла через весь 1905 год, сказалась снова, со всей яркостью, в частности—в деятельности и Петроградского Совета. Опять повторилось то же, что в январе: масса собралась, масса сплотилась, масса требовала указаний, что делать. Тот же «проклятый» конкретный вопрос, на который интеллигенция (которой в Совете почтительнейше уступили первые, руководящие места) ответа дать не сумела. Агитационное значение Совета было огромно, практическое—близко к нулю. Не случайно во главе Совета оказался профессиональный говорун—Хрусталь-Носарь, которому в революции 1917 г., даже в февральский ее период, не нашлось никакого, даже минимальнейшего места в работе тогдашнего Совета. Петроградский Совет 1905 г. стал местом словопрений—трибуной, на которой создали себе известность некоторые имена. Но штабом движения,—тем, чем должен был быть Совет,—он стать не сумел, хотя именно штаб хотели видеть в нем, искали в нем рабочие массы.

¹ Об основании его и деятельности в 1905 г.—до октября—см. «Отрывки о пятом годе» («Каторга и Ссылка», 1928 г., № 2).

гих из людей, с любовью занимающихся этим делом, сказывается слабый отблеск того же сознания долга перед трудящимся народом, который так ярко горел в юношах, о страданиях которых рассказывается в «Надгробном слове Александру II».

Длинное, длинное «слово» того же рода можно бы сказать и Александру III, быть-может подлиннее еще, чем его отцу. Центральная тюрьма, о которой идет речь, была уничтожена еще при Александре II, но на место ее при Александре III [встала] б. Шлиссельбургская крепость. Как видно из рассказа, заключенным в харьковской централке лишь за провинности, совершенные в самой тюрьме, запрещали на время переписку с родными. От заключенных в Шлиссельбургской крепости за 10—12 лет ни один отец, ни одна мать не имели никаких известий. Самым энергичным и высокопоставленным родителям удавалось лишь иногда после долгих хлопот получить от начальства краткое известие: «Ваш сын (или дочь) жив», и ни слова более.

Ужасные трагедии 80-х годов в Сибири: самоубийство наказанной розгами девушки и ее товарищей, казни в Якутске, где умирающих на постелях приносили под виселицы и на лежащих накидывали петли, облетели всю Европу. Движение среди образованной молодежи было раздавлено. Казалось, все затихло, все умерло. Но из мрачного царствования Александра III рабочая Россия вышла совсем иною, чем вступила в него. Еще в середине 70-х годов в Петербурге было не более полудюжины народных школ,—теперь их более трехсот, и они переполнены учащимися, и в них не хватает мест всем желающим учиться. Переполнены и земские школы в деревнях. Стремление к знанию, незаметное лет 15 тому, с небывалою силою охватило все слои русского трудящегося населения. После 12—14 часового рабочего дня, рабочие нередко за полночь зачитываются сообща какой-нибудь интересной книгой. Они составляют значительный процент абонентов в городских библиотеках, они следят за газетами. Рабочий наших больших промышленных центров стал европейцем. Мы убеждены, что образованию в России значительного ядра рабочей партии, по образцу западно-европейских, мешают уже не умственное состояние наших рабочих, а лишь страшный политический гнет, который необходимо прежде свергнуть. Снова начинает в последние годы оживать и русская образованная молодежь. Нельзя ожидать повторения того массового увлечения молодежи, о котором мы говорили выше. Такие явления не повторяются. Процент образованных людей, готовых отдать свои силы на служение рабочему люду, будет меньше. Но теперь уже, поскольку образованная молодежь заражается социализмом, это уже не тот неопределенный, туманный социализм 70-х годов, а научное, ясное, отчетливое учение Маркса и Энгельса, которое все более и более проникает и в рабочую среду.

Массовое движение русской образованной молодежи, благороднейшими представителями которого были юноши, о страданиях которых

говорится в «Слове», было по своему происхождению сходно со студенческим движением Германии 20-х—30-х годов. Теперь Россия находится накануне своего 48-го года. Движение в среде русских образованных классов представляет всего больше аналогий с движением немецкой революционной буржуазии. Будем же надеяться, что и движение в освобожденной России городского и сельского пролетариата по своей сознательности и последовательной непреклонной энергии будет походить на великое социал-демократическое движение в Германии.

В. Засулич.

Женщины в русском рабочем движении.

Дорогой друг,

Вы просите меня написать для майского номера «Равенства» что-нибудь об участии русских работниц в рабочем движении.

Это участие до настоящего времени еще очень слабо. В многочисленных забастовках, которые имели место в последнее время в России, работницы принимали участие то тут, то там. Забастовки даже происходили на таких фабриках, на которых работают исключительно женщины, например, на папиросных фабриках. Но в общем число женщин, принимавших участие в забастовках, было в сравнении с числом рабочих очень незначительно.

Стремление к образованию, которое охватило значительную часть русского рабочего класса, дает себя чувствовать и среди работниц. В воскресных школах для взрослых они учатся с таким же рвением, как и их товарищи мужчины. Но таких школ, вследствие антиобразовательной политики правительства, к сожалению, очень мало, и если число школ невелико для юношей, то оно еще менее значительно для несовершеннолетних девушек. Вследствие этого процент неграмотных среди работниц в два, в три раза больше, чем среди рабочих. Но несмотря на все это, я сильно надеюсь, что наши работницы в ближайшем будущем примут массовое участие в рабочем движении. И моя надежда основана на том, что русские женщины из «интеллигенции» (из образованных классов) принимают большое участие в социал-демократическом движении. В особенности участие принимают студентки, женщины-врачи, учительницы и другие женщины, занимающиеся так-называемыми либеральными профессиями, которые играют большую роль в этом движении. Стремление наших революционно настроенных женщин совсем другого рода, чем феминистское движение в Германии. Движение, которое можно было бы сравнить с буржуазным движением феминисток, Россия уже проделала в шестидесятых годах. Но, начиная с семидесятых годов, женщины, одушевленные более высоким стремлением, борются за права, которыми в России не обладают ни мужчины, ни женщины, и прежде всего за право дей-

ствовать в соответствии со своими убеждениями. Женщины берут на себя те же революционные обязанности, что и мужчины, и подобно им приобретают качества, без которых было бы невозможно выполнять эти обязанности. И «слабая», по общераспространенному мнению, женщина становится таким образом сильным человеком, как это ясно обнаружилось в борьбе семидесятых годов. В несравненно большем и более значительном движении, которое теперь началось и которое свой рост и значение приобрело именно вследствие пробуждения рабочего класса, участие женщин тоже стало значительно большим. Большое число их находится среди социал-демократической «интеллигенции», которая развивает в рабочем движении очень живую деятельность.

Здесь не место описывать положение сельских учителей и учительниц в России. Достаточно сказать, что оно ужасно как в материальном отношении, так и в смысле полицейских преследований. Достаточно добросовестного исполнения обязанностей со стороны русского сельского учителя, сельской учительницы, чтобы они были зачислены в разряд политически неблагонадежных лиц. Надо поэтому обладать большим мужеством, чтобы при русских порядках взять на себя чисто культурную задачу сельского учителя, и все же в селах имеется больше учительниц, исполняющих эту обязанность из чисто идеалистических побуждений, чем учителей.

Читательницы «Равенства» наверно достаточно осведомлены из газет о последних демонстрациях в России. Также и в этих демонстрациях, где требуется чисто физическая храбрость и неустрашимость перед военной силой, женщины не остались позади мужчин. В ужасной петербургской бойне женщины не только показали себя не слабее мужчин, но в некоторых отношениях даже способнее к самопожертвованию и более полезными. В некоторых присланных нам письмах и корреспонденциях нам описывают то, что происходило в Казанском соборе, куда были принесены раненые и потерпевшие. За тяжело ранеными, говорится в них, ухаживали женщины, которые сами были ранены и едва держались на ногах. Несмотря на то, что они находились в состоянии, требовавшем помощи, они, насколько могли, останавливали кровь и перевязывали раны. Среди арестованных находится по крайней мере столько же, если не больше, женщин, чем мужчин.

Постоянная связь между выше упомянутым кругом интеллигентных женщин и пролетарскими массами должна постепенно уничтожить у духовно и политически пробуждающихся рабочих и работниц господствующий повсюду предрассудок о меньшей ценности женщины. С предрассудком, который делает женщину от природы глупее, слабее и трусливее мужчины, должен будет пасть также и тот взгляд, что женщина по натуре своей неспособна к общественной деятельности и что вследствие этого на нее должны падать обязанности не общественные, а исключительно одни только хозяйственные. В будущем русское рабочее движение будет поддерживаться также многочислен-

ными работницами и женами рабочих, сознающих, что, кроме обязанностей по отношению к семье, они должны нести обязанности и по отношению к своим товарищам по классу, к обществу, и что эти обязанности побуждают их бороться за свободу печати, собраний, выборов, за защиту рабочих и за победу социалистического порядка. В настоящее время лишь небольшая кучка русских передовых работниц протягивает руку своим сестрам в Германии и в других странах для совместной борьбы. Но неизбежно близится время, когда и в России большая армия пролетарок вместе с пролетариатом всего мира заявит первого мая свою непреклонную волю, направленную к сотрудничеству за освобождение рабочего класса, — освобождение, которое будет делом самого рабочего класса.

Вера Засулич.